

DOI: [10.14515/monitoring.2025.1.2559](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2559)

Н. А. Любинарская

КАК РЕЖИМ САМОИЗОЛЯЦИИ ВЛИЯЕТ НА СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: АНАЛИЗ ИНТЕРВЬЮ С МОЛОДЫМИ СУПРУГАМИ

Правильная ссылка на статью:

Любинарская Н. А. Как режим самоизоляции влияет на семейные отношения: анализ интервью с молодыми супругами // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 262—283. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2559>.

For citation:

Liubinarskaia N. A. (2025) How Self-Isolation Affects Family Relationships: Analysis of Interviews with Young Spouses. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 262–283. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2559>. (In Russ.)

Получено: 24.01.2024. Принято к публикации: 18.10.2024.

КАК РЕЖИМ САМОИЗОЛЯЦИИ ВЛИЯЕТ НА СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: АНАЛИЗ ИНТЕРВЬЮ С МОЛОДЫМИ СУПРУГАМИ

ЛЮБИНАРСКАЯ *Нина Александровна* — лаборант научно-исследовательской группы лаборатории «Социология религии», Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия; преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Россия; преподаватель, Архитектурная школа МАРШ, Москва, Россия
E-MAIL: nina.lyubinarskaya@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4373-2394>

Аннотация. Цель работы — показать, как менялись семейные отношения во время пандемии коронавируса. Автор предполагает, что пребывание в замкнутом пространстве способно не только трансформировать «Я» индивида и изменить его представление о себе, но и отразиться на отношениях и дальнейшей совместной жизни супругов. Исследование основано на качественной методологии. Всего проведено 14 глубинных интервью с супругами в апреле — марте 2020 г., в нарративах информантов дается субъективная оценка текущей ситуации и характеризуется, как пары осмыслиют свою жизнь в условиях пандемии.

Для демонстрации изменений в жизни семьи используются понятия Э. Гоффмана и Е. Иллюз. Нарушение личных границ и контроль действий другого наблюдаются, когда дело касается гигиены, невозможности исполнения привычных рутинных практик. Пространственные ограничения разрушают границы между личной и профессиональной сферами. А трансформация «Я» индивида в условиях изоляции проявляется в невозможности повторять повседневные ритуалы и необходимостью прибегать

HOW SELF-ISOLATION AFFECTS FAMILY RELATIONSHIPS: ANALYSIS OF INTERVIEWS WITH YOUNG SPOUSES

Nina A. LIUBINARSKAIA^{1,2,3} — Assistant at the Sociology of Religion Research Laboratory; Lecturer; Lecturer
E-MAIL: nina.lyubinarskaya@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4373-2394>

¹ St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

³ Moscow Architectural School (MARSH), Moscow, Russia

Abstract. The study aims at revealing how family relationships have changed during the COVID-19 pandemic. The author assumes that staying in a confined space can not only transform an individual's Self and change their self-image but also affects the relationship and future life of the spouses. The study is based on a qualitative methodology and regards 14 in-depth interviews with spouses conducted in April–March 2020. The informants' narratives provide a subjective assessment of the current situation and characterize how couples understand their lives during the pandemic. To demonstrate changes in family life, the author uses the concepts of Erving Goffman and Eva Illouz. Violation of personal boundaries and control over the actions of others manifest themselves when it comes to hygiene or the inability to perform familiar routine practices. Spatial restrictions destroy the boundaries between the personal and professional spheres. And the transformation of the individual's Self in isolation is manifested in the inability to repeat everyday rituals and the need to resort to different practices to preserve one's Self. The author concludes that isolation had an impact both on the individual's self-image and on the relationship

к разным практикам, чтобы сохранить свое «Я». Полученные результаты позволяют сделать вывод, что изоляция оказала влияние как на представление индивида о себе, так и на отношения между супругами и их выбор стратегии адаптации.

Ключевые слова: социология семьи, молодые семьи, COVID-19, удаленная работа, трансформация «Я»

Благодарность. Исследование осуществлено в 2021—2023 гг. в рамках проекта «Осознание жизни в браке молодыми супругами. Разработка категорий общения, взаимности, совместности» при поддержке Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и Фонда «Живая традиция».

Введение

По мнению Е. Иллуз, романтические отношения партнеров в браке изменяются в течение семейной жизни¹. Во-первых, это обусловлено историческими и социальными предпосылками, а также характерными для общества модерна идеями утилитарной индивидуализации [Illouz, 2008; Иллуз, 2020; Beck, Beck-Gernsheim, 1995, 2002; Гидденс, 2011; Cherlin, 2004]. Во-вторых, автор связывает изменения отношений в семье с возникновением «терапевтического дискурса»² [Illouz, 2008, 2012] и феномена *happycrasy*³ [Иллуз, 2020; Кондрашов, 2023], которые делают личность более уязвимой и восприимчивой к любым изменениям, а брак — «хрупким» [Coontz, 2005]. В-третьих, в семье негласно контролируются эмоции индиви-

between spouses and their choice of adaptation strategy.

Keywords: family studies, young couples, COVID-19, remote work, transforming Self

Acknowledgments. The article is part of the “Awareness of Family Life by Young Couples. Conceptualization and Operationalization of Categories Related to Communion in Marriage” project supported by Saint Tikhon’s Orthodox University and the Active Tradition Foundation in 2021–2023.

¹ Как пишет Е. Иллуз, «...семья стала эмоциональной социальной ячейкой общества, потому что роли мужчины и женщины в этой сфере стали более демократизированными. Психология сыграла важную роль для того, чтобы предотвратить нарастающий конфликтный характер современного брака. Между крупномасштабными институтами, принявшими психологию в качестве основного легитимирующего дискурса, и исполнением индивидом „терапевтического self“ медиаиндустрия сыграла значимую роль в кодификации, легитимации и распространении мировоззрения психологии и в обеспечении площадки для реализации „терапевтического self“» [Illouz 2008: 242].

² Эксперты в области позитивной психологии отмечают заинтересованность населения в обращении за психологической помощью: «Сегодня мы наблюдаем тенденцию в отношении семейных отношений — люди стараются больше позитивного общения отдавать родственникам и близким, а негативные стороны выносить за этот периметр, обращаясь к специалистам» (Анализируй это: почему россияне стали чаще обращаться к психологам? // ВЦИОМ. 2022. 20 декабря. URL: <https://wciom.ru/expertise/analizirui-eh-to-pochemu-rossijane-stali-chashche-obrashchatsja-k-psikhologam> (дата обращения: 02.09.2024)). Однако при этом бытует мнение, что обращение к психотерапевтам приводит к разводам и делает брак неустойчивым к любым изменениям. Есть представление, что осознанная работа над отношениями «разрушит семью», «испортит отношения» (Почему пары распадаются после психотерапии? // Psychologies. URL: <https://www.psychologies.ru/articles/pochemu-paryi-raspadayutsya-posle-psihoterapii/> (дата обращения: 02.09.2024)).

³ Под *happycrasy* мы будем иметь в виду стремление людей быть счастливыми. Подробнее с этим феноменом можно ознакомиться в работе [Иллуз, Кабанас, 2023].

да, что обусловлено социальными и институциональными нормами [Иллуз 2020: 24], что также может оказывать влияние на отношения супругов.

Эти трансформации современного общества создают условия, когда индивид чувствует себя обязанным следовать рекомендациям, которые конструируются масс-медиа, позитивными психологами и коучами по личностному росту [Лернер, 2011; Illouz, 2008; Иллуз, Кабанас, 2023]. В ответ у человека возникает запрос на «защиту» и «сохранение» своего «Я», своей «индивидуальности», и он находит выход в попытках контролировать свои эмоции [Гоффман, 2019; Hochschild, 1983; Симонова, 2016].

Что касается терапевтического дискурса, то современные российские исследователи демонстрируют его влияние в своих работах. Так, в период пандемии COVID-19 психологи изучали влияние терапии на жизнь супругов в изоляции [Бонкало и др., 2020]. Постпандемийные работы также говорят о запросе на психологическую помощь в российском обществе. По данным ФОМ, 30% населения обращаются к кому-нибудь за советом или психологической поддержкой, если у них возникают трудности в отношениях с другими людьми⁴. Результаты других исследований показывают, что одна из причин обращения за помощью к психологу — семейные разногласия, среди которых кризисы в семье, разводы, сложные отношения с родственниками и т. д.⁵

Трансформация «Я» семейного человека в период пандемии

Изменения, коснувшиеся семьи в период пандемии COVID-19, служат примером такой трансформации личности⁶ в браке. Психологи отмечали прямую зависимость между психологическим благополучием индивида и его взаимоотношениями в семье. Благополучие осмыслялось исследователями через эмоциональную близость, доверительное общение, получение и оказание помощи и поддержки друг другу [Бонкало и др., 2020: 46]. На основании полученных данных авторы сделали вывод, что в период самоизоляции во время пандемии COVID-19 взаимоотношения супругов подвергались серьезным испытаниям. Семьи были вынуждены адаптироваться к меняющимся условиям жизни и справляться со стрессовыми ситуациями, пытаясь сохранять продуктивное взаимодействие в паре. В связи с чем супруги прибегали к следующим стратегиям: не принимать поспешных решений, идти на уступки друг к другу. Исследователи делают вывод о связи между субъективным восприятием супругами отношений в семье и выбираемыми ими копинг-стратегиями совладающего поведения в таких ситуациях, как вынужденная изоляция [Бонкало и др., 2020: 46].

Есть и альтернативный сценарий, когда опыт самоизоляции не имел негативных последствий для семьи. По данным опросов ВЦИОМ, проведенных в апреле

⁴ Востребованность помощи психолога // ФОМ. 2022. 23 августа. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14769> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵ Помимо семейных проблем среди причин обращения за помощью к психологу называют стрессы на работе, разногласия с коллегами, детьми, родителями, выгорание, депрессию и т. д. См. Россияне начали 2023 год с более частых обращений к психологам // Ведомости. 2023. 13 марта. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2023/03/13/rossiyane-nachali-2023-god-s-bolee-chastih-obraschenii-k-psiologam (дата обращения: 02.09.2024).

⁶ В 2020 г. тема изменения семейных отношений во время пандемии также поднималась в работах зарубежных исследователей [Sathyanarayana, Andrade, 2020]. Результаты показали, что изоляция и пространственные ограничения, вынужденная близость, беспокойство по поводу работы и финансов могут спровоцировать новые стрессовые ситуации для супругов, работающие не в пользу отношений [Sathyanarayana, Andrade, 2020].

2020 г., субъективное восприятие качества семейных отношений не изменилось у 72 % населения, лишь 10 % опрошенных отметили ухудшение внутрисемейного климата [Чернова, Шпаковская, 2020: 32]. По данным ФОМ, в 2020 г. чуть больше половины респондентов (53 %) считали, что им удастся избежать конфликтов и разногласий в семье во время самоизоляции⁷. Онлайн-опрос, проведенный лабораторией «Социология религии» при ПСТГУ совместно с исследовательской компанией *Tiburou Research*⁸ в период с 23 по 29 апреля 2020 г., не показал негативной динамики в семейных отношениях в период локдауна. На вопрос «Изменились ли Ваши отношения с супругом/партнером в период самоизоляции?» 78 % респондентов ответили, что отношения не изменились, 13 % — что улучшились, а 8 % — что ухудшились [Голева и др., 2022: 91—92].

По данным опросов общественного мнения можно сделать вывод, что самоизоляция в некоторой степени повлияла на отношения супругов. Для одних респондентов последствия самоизоляции привели к существенным изменениям и необходимости адаптации к новой реальности. У других участников опросов практики жизни в режиме самоизоляции не вызывали споров и разногласий с супругом/супругой.

Что касается данного исследования, то помимо количественных данных мы предлагаем рассмотреть вышеуказанную проблематику с учетом качественной методологии. С помощью эмпирических данных (14 глубинных интервью с молодыми семьями в период изоляции) мы хотим объяснить, как происходит трансформация «Я» семейного человека в период изоляции. Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы предложим теоретическую рамку и концептуализацию понятий, благодаря чему представим явления, имеющие отношение к формированию «защитной» реакции семьи на изменения, постигшие ее в период пандемии COVID-19, и выявим те аспекты, которые оказали влияние на отношения супругов.

Теоретическая рамка исследования: социологические концепты

Э. Гоффмана и Е. Иллуз

Логично предположить, что в период пандемии во время изоляции семья демонстрировала признаки «тотального института...»⁹ — это пространственные ограничения, закрытая, формально регулируемая жизнь, ограниченные контакты с внешним миром, нарушение личных границ и изменения представления о себе [Гоффман, 2019].

Используя теоретический язык Э. Гоффмана, можно предположить, что в семье во время изоляции систематически, с помощью формальных и неформальных ограничений изменяется «Я» индивида¹⁰. Существование в подобных условиях, по нашему мнению, способно не только трансформировать «Я» индивида

⁷ Разговор о семье, судьбе и браке в пандемических тонах / к-ФОМ. 2020. 29 июня. URL: <https://covid19.fom.ru/post/razgovor-o-seme-sudbe-i-brake-v-pandemicheskikh-tonah> (дата обращения: 02.09.2024).

⁸ Всего было опрошено 2502 респондента. Подробнее см. [Голева и др., 2022].

⁹ Стоит оговориться, что использование метафоры «семья как тотальный институт» не означает в буквальном смысле, что семья — это физический объект, как монастырь или психиатрическая лечебница. В рамках нашего исследования мы заимствуем лишь категориальный аппарат социолога для иллюстрации условий изоляции.

¹⁰ Если говорить языком Э. Гоффмана, то «Я» можно понимать как существующее в условиях, которые социальная система создает для своих членов. В этом смысле «Я» не является собственностью человека, которому оно приписывается, а скорее встраивается в механизм социального контроля, осуществляемого над человеком им самим и его окружением. Этот особый вид институциональных условий не только поддерживает «Я», но и создает его [Гоффман, 2019: 201].

и изменить его представление о себе, но и отразиться на отношениях и дальнейшей совместной жизни супругов.

Можно предположить, что семья — это институт, где в закрытом пространстве и в отсутствие контактов с внешним миром ведется формально регулируемая жизнь, над людьми осуществляются практики, изменяющие их представление о себе. В условиях закрытости и замкнутости процессы, происходящие с «Я» в некоторых семьях, могут быть похожи на «тотальный институт», а возникающие новые условия могут заставлять человека отказываться от своей роли, которая ему была доступна в *прошлой жизни*. Э. Гоффман описывает такие процессы на примере больницы: «Новый госпитализированный пациент обнаруживает, что его полностью лишили многих привычных способов самоутверждения, самоудовлетворения и самозащиты и совершают с ним множество действий, умерщвляющих его Я: ограничивают свободу передвижений, заставляют жить в коллективе, принуждают слушаться целого эшелона людей и т. д. Он начинает понимать, насколько сложно сохранять представления о себе, когда привычные условия для этого внезапно исчезают» [Гоффман, 2019: 179].

Э. Гоффман предлагает рассматривать *трансформацию «Я»* через призму внутреннего и внешнего социального опыта. К *внутренним факторам моральной карьеры* Э. Гоффман относит «образ собственного „Я“ и ощущаемую идентичность», к *внешним* — «официальное положение, правовые отношения и стиль жизни, которые являются частью публично доступного институционального комплекса». Как пишет Э. Гоффман, в таком случае «понятие карьеры позволяет свободно курсировать между личным и публичным, между „Я“ и его значимым обществом, не имея при этом необходимости слишком уж полагаться в поиске данных на то, что человек сам говорит по поводу того, как он думает, как он себя представляет» [там же: 29].

«Я» может трансформироваться как в положительную сторону, через *восстановление и конструирование*, так и в отрицательную — через *разрушение и деградацию*.

Для того чтобы объяснить разрушающее или деградирующее «Я» в семье в период самоизоляции, мы будем использовать категорию Э. Гоффмана «умерщвляющие практики», чтобы показать, как с помощью *нарушения личных границ и контроля действий другого* происходит трансформация «Я» человека.

Изначально наша гипотеза заключалась в том, что в семье во время изоляции проявляется больше «умерщвляющих практик», которые способствуют разрушению «Я», но в то же время нам удалось увидеть и альтернативный сценарий, появление осознанного «Я» (в нашем случае это *конструирование и восстановление*), которое имеет терапевтический эффект.

Чтобы объяснить положительную трансформацию, а именно *восстановление и конструирование «Я»* по Э. Гоффману, мы обратимся к понятию Е. Иллюз «терапевтический self», который автор вводит для того, чтобы объяснить влияние терапевтического дискурса на жизнь индивида. Под «терапевтическим self» мы будем понимать состояние, в котором человек с помощью инструментов массовой культуры способен подавлять и контролировать любые эмоции, а также рационализировать свою частную жизнь [Лернер, 2011: 78].

Например, по мнению специалистов по социологии эмоций, для достижения устойчивых отношений необходимо уметь *управлять своими эмоциями*. Так, в книге А. Хокшилд «Управляемое сердце» в главе «Правила для чувств» автор приводит в пример правила поведения невесты на свадьбе. А. Хокшилд пишет, что она должна быть жизнерадостной и улыбчивой, радовать родственников мужа и гостей, ей ни в коем случае нельзя впасть в панику или показывать свое сомнение или чувство потерянности. Если же такое возникает, то ей необходимо приложить все усилия, чтобы вернуться к общественно одобряемому поведению [Хокшилд, 2019: 110]. Так происходит управление эмоциями. Социолог выделяет два принципа работы эмоциональных правил: психологический — *стремление избежать боли*, и социологический, по Э. Гоффману, — *поиск выгоды на общественной сцене* [Хокшилд, 2019: 113]. Однако если *правила для чувств меняются, то меняются и чувства, испытываемые во время события* [там же: 114].

Так и в случае с пандемией: у супругов есть набор эмоциональных правил, как вести себя в обычной ситуации в семье, но когда возникает неизвестная ранее ситуация, правила для чувств могут меняться согласно психологическому и социологическому принципам, *способ действия выбирает сам действующий* [там же: 114].

Концептуализация понятий

Мы исходим из предположения, что на протяжении семейной жизни «Я» индивида трансформируется, а в ситуации вынужденной изоляции, вызванной COVID-19, такая трансформация будет неизбежной для супругов.

Таким образом, мы будем сравнивать ситуации семьи в период изоляции с тотальными институтами Гоффмана, так как *изменение представления о себе* является ключевой категорией для субъектов, которых он описывает. Если предположить, что «разрушение и деградация Я» (*destruction / degradation self*) возникают из-за «умерщвляющих практик» (*mortifying practices*), которые состоят из *нарушения личных границ (breaking personal boundaries)* и *контроля действий другого (control practices)*, то «восстановление и конструирование Я» (*reconstruction / recovery self*) возникают из-за желаний адаптировать «Я» к новым условиям и достигаются за счет ориентации на «*терапевтический self*» и *управление эмоциями*. Далее мы дадим определение каждой категории по Э. Гоффману и представим их краткие характеристики.

«Умерщвляющие практики»

«Умерщвляющие практики» — это действия, которые в условиях изоляции направлены на изменение «Я» человека и ведут к его *разрушению и деградации*: «...тотальные институты не дают осуществлять или порочат именно те действия, которые в гражданском обществе подтверждают для актора и его непосредственного окружения, что он располагает некоторой властью над своим миром, что он „взрослый“, то есть самостоятельная, автономная и свободная в своих действиях личность» [Гоффман, 2019: 71]. Этот концепт по Э. Гоффману распадается на *нарушение личных границ и контроль действий другого*.

Нарушение личных границ — выстраивание барьеров с прошлым миром, которые не позволяют человеку исполнять роли, свойственные ему до попадания

в тотальный институт, в условиях изоляции они становятся для него недостижимы: «В гражданской жизни распорядок последовательной смены ролей индивида — как на протяжении всей жизни, так и в круге каждодневных занятий, — гарантирует, что ни одна из его ролей не будет мешать действиям или связям в рамках другой роли. Членство в тотальных институтах, наоборот, автоматически разрушает распорядок смены ролей, так как постоялец отрезан от окружающего мира круглые сутки, и это может продолжаться годами, что приводит к утрате права исполнять роли. Постояльцев многих тотальных институтов вначале полностью лишают возможности принимать посетителей или покидать учреждение, что обеспечивает глубокий изначальный разрыв с прошлыми ролями и готовность к отказу от права на исполнение ролей» [там же: 43].

Границы могут быть как *внутренними*, так и *внешними*. В нашем случае внутренние проявляются в самой семье, а внешние — территориальные границы на уровне региона (например, запрет выходить на улицу без QR-кода, чтобы не заразиться коронавирусом и не получить штраф).

Контроль действий другого — это отношения «пациент — персонал», которые описывает Гоффман, подразумевая взаимодействие, обусловленное иерархией ролей: «пациент» подчиняется действиям «персонала». В случае с семьями эти роли могут меняться между супругами в зависимости от ситуации и реакции на нее.

Пространственные ограничения

Ограничение свободы передвижений, все действия происходят в одном месте¹¹. Пространственные ограничения — это одна из ключевых особенностей тотального института, позволяющая нам сравнить условия изоляции в семье с тотальностью и закрытостью института.

Трансформация «Я»

Трансформацию «Я» мы рассматриваем через призму внутреннего и внешнего социального опыта. К внутренним факторам Э. Гоффман относит «образ собственного „Я“ и ощущаемую идентичность», к внешним — «официальное положение, правовые отношения и стиль жизни являются частью публично доступного институционального комплекса»: «Одно из преимуществ понятия карьеры заключается в его двусторонности. Одна его сторона связана с внутренними вещами, дорогими и близкими, вроде образа себя и чувства идентичности; другая его сторона касается официального положения, юридических отношений и образа жизни и является частью публично доступного институционального комплекса. Таким образом, понятие карьеры позволяет двигаться туда и обратно между личным и публичным, между Я и значимым для него обществом, не полагаясь излишне на данные о том, кем человек, с его слов, воображает себя» [Гоффман, 2019: 157].

¹¹ Урбанистический взгляд на пространственные ограничения в период самоизоляции был представлен Центром городской антропологии КБ «Стрелка». На примере трех городов — Москвы, Краснодара и Новосибирска — исследователи показали, как в кризисных ситуациях меняются ценности и запросы горожан в ограниченных жилищных условиях. Один из выводов: нынешнее жилье не подходит для жизни в самоизоляции, хотя и соответствует стандартам комплексного развития территорий. См. Как самоизоляция изменила жилье россиян. URL: <https://project194606.tilda.ws/lifeinpandemia> (дата обращения: 2.09.2024).

В нашем исследовании трансформация «Я» у супругов предполагает два состояния. Изменение представления о себе мы будем рассматривать через «разрушение и деградацию „Я“»: «Новый постоялец поступает в учреждение с представлением о себе, которое возможно благодаря стабильным социальным условиям его домашнего мира. При попадании внутрь он тут же лишается поддержки, оказываемой этими условиями. Говоря точным языком некоторых из наших старейших тотальных институтов, он вступает на путь унижения, деградации, оскорбления и осквернения его Я. Его Я систематически, хотя зачастую непреднамеренно, умерщвляется. В его моральной карьере — карьере, заключающейся в поступательных изменениях его взглядов на самого себя и значимых других, — начинают происходить радикальные перемены» [Гоффман, 2019: 42—43].

Адаптацию «Я» к новым условиям предполагает «конструирование и восстановление „Я“»: «Постоялец обычно приходит к выводу, что деградациям и реконструкциям Я не стоит придавать слишком большого значения, одновременно замечая, что персонал и постояльцы относятся к инфляции и дефляции Я с определенным безразличием. Он понимает, что наиболее удобный для защиты образ Я — это представление о Я как о чем-то, что существует за пределами индивида, что можно конструировать, утрачивать и восстанавливать, причем очень быстро и хладнокровно. Он осознает, что вполне может занять позицию — а значит, и выстроить соответствующее Я, — отличающуюся от той, которую больница может ему предоставить и которой она может его лишить» [Гоффман, 2019: 197].

Методология и поле исследования

В рамках лонгитюдного исследования «Осознание жизни в браке молодыми супругами: Разработка категорий общения, взаимности, совместности»¹² в период первых месяцев пандемии были собраны интервью с молодыми семьями. Всего проведено 14 глубинных интервью с супругами в апреле — марте 2020 г. В нарративах информантов дается субъективная оценка текущей ситуации и описывается, как пары осмысляют свою жизнь на фоне пандемии. Супругам по отдельности задавались вопросы касательно их личной жизни, повседневных практик в изоляции, обсуждалось, как они воспринимают свои отношения с супругом во время карантина; проявляются ли старые привычки и появляются ли новые; как они ощущают себя. Для анализа использовались глубинные интервью с молодыми семьями, которые находились в изоляции от двух недель до одного месяца. Сбор интервью в данные сроки обусловлен тем, что в этот период супруги строго соблюдали режим изоляции и старались не покидать свои места проживания из-за страха заболеть коронавирусом или штрафов за нарушение режима самоизоляции. Также столь короткий период сбора данных обусловлен уникальным опытом: поскольку супруги находились в такой ситуации впервые, их впечатления от совместного проживания взаперти были настолько искренними, что это позволило обогатить картину изоляции реальными примерами.

¹² Осознание жизни в браке молодыми супругами. Разработка категорий общения, взаимности, совместности (при поддержке ПСТГУ и Фонда «Живая традиция») // Социология религии. Исследовательский семинар. URL: <http://socrel.pstgu.ru/RU/grants/family> (дата обращения: 04.09.2024).

В выборку вошли интервью с супругами, состоящими в браке от одного года до пяти лет, работающие удаленно или безработные, в возрасте от 25 до 33 лет, лишь одна пара была с детьми, остальные без детей. Поскольку нас интересовали именно изменения отношений между супругами, а не то, как жизнь с детьми в изоляции изменила отношения в паре, мы больше концентрировались на первом аспекте. Тем не менее одну пару с ребенком мы не стали исключать, чтобы показать еще один немаловажный аспект изоляции, но намеренно не стали погружаться в него. По нашему мнению, тема родительства и перехода к нему настолько многогранна, что заслуживает отдельного внимания [Голева, 2023; Забаев и др., 2012]. Ключевая цель данной работы — показать трансформацию отношений между супругами, а не изменение «Я» при переходе к родительству.

Для поиска информантов использовался метод «снежного кома». К участию в исследовании приглашались знакомые знакомых, также рекрут проводился с помощью социальных сетей в интернете. Таким образом удалось привлечь к участию в исследовании информантов из малых и больших городов, где на момент проведения интервью действовал режим изоляции.

Принципиальным для исследования было участие обоих супругов. Интервью проводились с каждым из них по отдельности. Все интервью были взяты онлайн с использованием платформ для видеоконференций. Для создания обстановки, приближенной к ситуации очной встречи, участников исследования просили во время проведения интервью по возможности находиться в комнате без других людей, использовать наушники и включать камеру на своем устройстве. Ввиду сенситивности темы описанные условия проведения интервью следует рассматривать в качестве ограничения исследования.

Качественные данные анализировались в логике обоснованной теории с помощью открытого и осевого кодирования [Страусс, Корбин, 2001; Забаев, 2011]. Процесс открытого кодирования был проведен через центральные категории из теории Э. Гоффмана и Е. Иллуз, заранее операционализированные через вопросы в интервью и наделенные определенными характеристиками. Затем с помощью осевого кодирования мы попытались показать связь между этими категориями и тем, как их осмысляют информанты в своих нарративах. Центральные категории в данной работе — *«умерщвляющие практики»*, *пространственные ограничения*, *трансформация «Я»*, каждая из них имеет свои подкатегории. Категория *«умерщвляющие практики»* имеет подкатегории *«нарушение личных границ»* и *«контроль действий другого»*. *Пространственные ограничения* не позволяют поддерживать контакты с внешним миром офлайн. *Трансформация «Я»* делится на подкатегории: *«разрушение и деградация „Я“»* и *«конструирование и восстановление „Я“»*. К примеру, для того чтобы объяснить, как пространственные ограничения повлияли на трансформацию «Я» индивида, супругам задавались вопросы в логике от общего к частному: *«Как Ваша семья реагирует на происходящее?»*, *«Изменилось ли что-то после того, как Вы стали вместе сидеть на карантине? Если да, то расскажите, что именно. Как было раньше и как стало сейчас?»*. Чтобы объяснить подкатегорию *«контроль действий другого»*, участникам исследования задавался вопрос: *«Наблюдаете ли Вы за действиями супруга(и)?»*, *«Изменилось ли что-то?»*. Затем из цитат информантов выделялись коды как действия или свойства, кото-

рые можно было отнести к одной из вышеописанных категорий. Для иллюстрации приведем цитату из подкатегории «контроль действий другого».

Таблица 1. **Пример кодирования интервью**

Цитата	Код	Подкатегория	Категория
«Да есть смешные вещи, когда кто-то выходит выкидывать мусор или что-то такое, я в режиме контролера, там — надень перчатки! Доходит до того, что он выходит выкидывать мусор, а я уже жду его в ванной со включенной водой, контролирую его, чтобы он помыл руки. Ну, какие-то такие забавные вещи».	Режим контролера, надень перчатки, контролирую чтобы помыл руки	Контроль действий другого	Умерщвляющие практики

Примечание. Пара 2, Ж, 25 лет, работает удаленно, 3 недели на изоляции.

Контроль действий другого проявлялся во всех парах и был связан с гигиеной и использованием средств индивидуальной защиты. Как правило, жены чаще контролировали гигиенические процедуры мужей. Также пары отмечали, что каждый по отдельности начал больше внимания уделять своим родителям — в плане не только общения (стали чаще звонить), но и контроля за их повседневными практиками.

Моя коммуникация по отношению к ним [к родителям], она изменилась. Когда я узнаю в разговоре с мамой, что папа, например, не моет руки, то я просто позвонила папе и начала с ним разговаривать так, как я в жизни бы не позволила себе так с ним говорить... Когда внезапно оказалось, что я должна проявлять серьезную заботу по отношению к своим родственникам. (Пара 4, Ж, 30 лет, работает удаленно, месяц на изоляции)

В данном контексте можно говорить о связанности категорий, где контроль действий другого возникает из-за появления пространственных ограничений, которые трансформируют «Я» индивида. Во всех интервью, где супруги перешли на удаленный формат работы, адаптация к новым условиям далась нелегко, информанты говорили о ситуациях, которые помогали им восстановиться («чтобы отвлечься, надеваю наушники и ухожу в этот шум или закрываюсь в ванной»¹³) и т. д. А для кого-то, наоборот, нахождение в изоляции позитивно сказалось на работе («перестал ездить в офис, перестал видиться с коллегами, потому что там разговоры, обсуждения, все это непродуктивно и отнимает много времени от работы»¹⁴).

В итоге процесс кодирования строился на основе вопросов гайда, далее в цитатах выделялись коды, а затем кодам присваивались заранее предложенные подкатегории и категории. Характеристики информантов и пример кодирования интервью представлены в Приложениях 1 и 2.

¹³ Пара 6, Ж, 26 лет, работает удаленно, 3 недели на изоляции.

¹⁴ Пара 4, М, 30 лет, работает удаленно, месяц на изоляции.

Интерпретация и анализ данных

Для того чтобы объяснить, как трансформируется «Я» в семье в период изоляции, мы проследим, каким образом отобранные для анализа категории артикулируются информантами в их нарративах, и попытаемся объяснить, как они проявляются в отношениях супругов.

«Умерщвляющие практики»

1. Нарушение личных границ.

Рассмотрим ситуацию, когда пары объясняют нарушение личных границ через внешний контроль. К внешнему контролю можно отнести ограничения, представленные в виде запретов покидать свой дом, квартиру, прекращение допуска к объектам городской инфраструктуры (детским площадкам, стадионам, паркам и т. д.), введение пропусков для перемещения по городу, штрафы за нарушение самоизоляции и т. д.

Когда запретили выходить из дома... или когда все думали, когда же запретят,— вот тогда. Тогда действительно было такое ощущение, что наступит какая-то несвобода, какое-то заточение дома. И я специально выходила, как говорится, «перед смертью не надыхишься». Выходила столько, сколько можно. Гуляла, пока это было возможно. Видела сама, как обклеивают эти площадки, все при мне происходило. Буквально вчера я еще гуляла на этих площадках... На следующий день их уже обклеили, и я все это видела со стороны... То же самое с пропусками, пока не ввели пропуска, пыталась куда-то вырваться. Сейчас как-то все более становится... как-то ощущение, что нельзя и это опасно, могут оштрафовать и еще что-то. (Пара 1, Ж, 28 лет, в декрете, месяц на изоляции).

Сейчас режим самоизоляции, он запрещает выходить на улицу, поэтому мы, конечно, сидим дома. К сожалению, мы не успели уехать на дачу... ну, не то чтобы не успели, просто у нас дача не зимняя, а летняя, поэтому мы сидим в [название города], из-за этого мы никуда не можем выйти и сидим дома. Конечно, тяжело без воздуха... (Пара 1, М, 33 года, работает удаленно, месяц на изоляции)

Супруги из первой пары отмечают, что во время самоизоляции они ощутили на себе внешний контроль, и осмыслиют его как нарушение личных границ, который не дает им пользоваться общественным пространством, как раньше.

Что касается внутренних запретов, которые возникают в семье, то к ним можно отнести наличие барьеров, касающихся пространственных ограничений самого жилья и влияющих на поведение супругов.

Мы в очень маленькой квартире живем, и самоизолироваться в этой маленькой квартире, просто на полчаса уйти в себя как-то в первое время не получалось. Мы по разным углам рассаживаемся, я начинаю с кем-то разговаривать, он, естественно, слышит, это его немного раздражает. Он тут ходит разговаривает, я тоже думаю, куда деться. (Пара 6, Ж, 26 лет, работает удаленно, 3 недели на изоляции)

В период самоизоляции существенно изменила повседневный ритм дистанционная работа¹⁵, так как она переопределила дом под офисное пространство, в котором стираются границы между личной и публичной сферами, что воздействует на эмоциональное состояние супругов.

Ну вот он как-то больше погрузился в работу, что ли, мне так кажется. И из-за этого, как раз что он не отдыхает, то, что у него нет никаких физических нагрузок, он не гуляет, целыми днями сидит просто на стуле своем, поэтому меня как-то это беспокоит. Серьезный разговор позавчера устроили, теперь вчера даже зарядку сделали. Договорились, что будем зарядку делать, хоть чтоб какие-то физические нагрузки были. (Пара 3, Ж, 25 лет, безработная, 3 недели на изоляции)

2. Контроль действий другого.

В «Тотальном институте...» Э. Гоффман рассматривает отношения людей через опозицию «персонал — пациент», где первый имеет влияние над вторым. Это касается личной гигиены, соблюдения распорядка дня, оказания медицинской помощи — персонал использует различные методы *по ограничению «Я» пациента*. Как правило, персонал вправе распоряжаться личными вещами пациента, внушать ему, что он нездоров, определять шизофрению и лечить ее различными методами. В семье, находящейся на изоляции, могут возникать схожие ситуации, а индивидуальность каждого из супругов — подвергаться коррекции. Однако роли «персонал» и «пациент» зафиксированы менее жестко: в каждой из них могут выступать оба супруга попеременно, в зависимости от ситуации. Например, когда один принимает решение за другого, пытается ограничить какие-либо его действия, игнорируя его потребности.

Контроль действий может быть направлен не только на свою, но и на родительскую семью. Почти все респонденты находятся вдали от своих родственников и рассказывают, что стали чаще созваниваться с ними. Они объясняют это действие, плавно перерастающее в каждодневный ритуал, заботой, их собственными переживаниями.

Немного больше начинаешь переживать за своих родных и близких, начинаешь больше, там, как-то узнавать, чем они занимаются, даже касаемо меня. Я вот, мужчина, я хочу контролировать, и у меня получается контролировать жену, я вижу, чем она занимается. Но я же не могу на 100% контролировать родителей (так как они живут в другом городе. — Прим. авт.), но тем не менее я пытаюсь это делать. Я пытаюсь, каждый день так или иначе напомнить, что все не очень хорошо и, если я слышу, что мама говорит, что: «Я поеду сегодня туда!», то я лишний раз напомню, чтобы она взяла маску, перчатки. (Пара 7, М, 26 лет, работает удаленно, 3 недели на изоляции)

Если говорить о своей семье, то изменение повседневных практик приводит к контролю действий другого, который воспринимается как данность. Например,

¹⁵ Подобные исследования были проведены в Италии в период пандемии COVID-19. Проанализировав 60 полуструктурированных интервью, исследователи пришли к выводу, что людям пришлось столкнуться с реорганизацией своей повседневной жизни из-за нехватки личного пространства в доме и увеличением стрессовых ситуаций на работе, из-за чего были разрушены границы между профессиональной и частной сферами [Risi, Pronzato, Fraia 2020].

в цитате ниже жена выступает в качестве «персонала», а муж — в роли «пациента», за которым осуществляется контроль.

Она следит, что, когда я возвращаюсь с улицы, чтобы два раза мыл руки с мылом, дезинфицировал ключи, телефон, банковские карты, чтобы все было чисто. Так изменилось ее поведение из-за коронавируса... Сначала это раздражало, а потом понял, что это правильно, лучше перестраховаться, и ничего плохого нет, если я лишний раз мою руки. (Пара 2, М, 25 лет, работает удаленно, 3 недели на изоляции).

Я чуть больше озабочена этой проблемой... ну, я по жизни и по работе специалист-менеджер, и я стараюсь, чтобы он, приходя из магазина, руки мыл, ничего не трогал, ну, все такое. Я как бы без истерик, спокойно настаиваю на своем. (Пара 2, Ж, 25 лет, работает удаленно, 3 недели на изоляции).

В паре 2 в период изоляции появились практики, которые требуют от супругов большей вовлеченности в жизни друг друга, чтобы обезопасить пространство, где они проживают.

Можно сделать вывод, что *нарушение личных границ и контроль действий другого* действительно можно наблюдать в семьях в период самоизоляции. В ходе интервью в нарративах информантов *нарушение личных границ* ассоциируется с внешними ограничениями, отсутствием личного пространства для рабочей деятельности. В то время как *контроль действий другого* может быть как прямым и проявляться через принуждение к выполнению дополнительных гигиенических процедур, так и косвенным, когда супруг(а) может фиксировать общее состояние другого (переработки на работе, усталость, перепады настроения) и пытаться повлиять на него.

3. Пространственные ограничения.

До пандемии почти все информанты работали в офисе, поэтому при переходе на удаленную работу были вынуждены организовывать рабочие места в квартире. Информанты подчеркнули, что пространство существенно влияет на их отношения с супругом(ой), а также на самовосприятие:

Все-таки однокомнатная квартира — это сложно. Потому что кто-то отдыхает, а другой работает, ты по-любому должен выйти из комнаты, чтобы не мешать. И жене, к сожалению, приходится выйти из комнаты и работать на кухне. Вот с этого рабочего места, где сейчас я сижу. А у меня ноутбук, два компьютера — один рабочий, другой домашний... не хватает еще одной комнаты... но пока не бесит, компромиссы находим. Первый месяц прошел, посмотрим, что будет еще через пару месяцев. (Пара 4, М, 30 лет, работает удаленно, месяц на изоляции)

Единственное, разве что не то чтобы друг от друга устаем, а просто квартира маленькая, однокомнатная, первый этаж, балкона нет — никуда не уйдешь. Как бы друг друга вы ни любили, все равно иногда хочется какой-то свой тихий уголок. Я не скажу, что это прямо большая проблема, но мы вот сейчас понимаем, что уже пора менять квартиру. (Пара 6, М, 25 лет, работает удаленно, 3 недели на изоляции)

Также в условиях самоизоляции, по мнению респондентов, происходит реорганизация пространства на различные зоны: рабочая, для приема пищи, для отдыха, что мешает исполнению прошлых ролей.

Вот этот офисный стол [мужа], который пришел в мой дом, он меня отрезал от части доступа к моим пространствам. Я, например, большую часть времени провожу возле зеркала, могу музыку включить, могу перемещаться более спокойно, а здесь я понимаю, что капец. (Пара 5, Ж, 30 лет, работает удаленно, 2 недели на изоляции)

Да, так получается, что я сейчас на кухне себе рабочее место оборудовала (для хобби. — Прим. авт.), а [имя мужа] — в зале. И из-за того, что у него идет сдача проекта через неделю, он там сутками сидит с 8 утра там до 11 вечера работает. То есть я как бы не могу его отвлекать, потому что человек вроде занят. И получается так, что если бы он ходил в офис, то он бы приходил домой и как бы больше не работал, а сейчас получается так, что ему никуда уходить-приходить не надо, и он все время работает. (Пара 3, Ж, 25 лет, безработная, 3 недели на изоляции)

Ну, пространство такое... не очень удобное. Мы сидим так вплотную друг к другу, хотелось бы, наверное, больше... Разложиться на столе, раскидать свои бумаги. Нормально, в принципе, но места побольше не помешало бы. (Пара 2, Ж, 25 лет, работает удаленно, 3 недели на изоляции)

По мнению информантов, пространственные ограничения в период изоляции в большей степени связаны с переопределением личного пространства в рабочее. Спальня и кухня становятся рабочими местами, супруги вынуждены договариваться, кто какое место занимает для своей работы, зоны квартиры делятся на свободные и несвободные. С «переносом» работы в домашние условия у рабочих задач появилось свойство текучести: теперь они не завершаются по определенному графику, а растягиваются во времени и нарушают привычный повседневный ритм жизни семьи.

Однако в одной паре, где есть ребенок, отсутствие личного пространства может восприниматься наиболее остро, поскольку нужно учитывать не только потребности супруга(и), но и желания ребенка.

У нас какое-то все пространство общественное. У нас ребенок все время перемещается за родителем. Он ненадолго отходит, но в целом у него есть такая привычка следования за значимым другим взрослым. Вот мы перемещаемся. И у него еще есть привычка собирать двух взрослых в одном месте. Если два взрослых в разных местах, а у нас всего три комнаты: кухня, одна комната и вторая, и если взрослые находятся на отдалении друг от друга, то он бежит туда-сюда между ними, пока они не соберутся. (Пара 1, Ж, 28 лет, в декрете, месяц на изоляции)

Трансформация «Я»

1. Изменение представления о себе: разрушение и деградация «Я».

Э. Гоффман пишет об изменении представления о себе в контексте физических увечий или лишения инструментов идентичности [Гоффман, 2019: 50—52],

что нельзя сказать о семейной изоляции, потому что никаких рассказов об «обезображиваниях», «приказах», «подчинениях» и других «формах унижения» в интервью с информантами не было. Однако то, как изменяются представления о себе, может отражаться в нарративах участников исследования.

Ну, мне надоело готовить, например. То есть, если обычно я там с радостью что-то готовлю, вожусь, так интересно, а сейчас из-за того, что мы оба дома сидим, то есть как-то я... Ну, у нас небольшие кастрюли и сковородки, то есть я всегда готовлю там на два-три раза покушать, но обычно два-три раза — этого по вечерам хватает на два дня. А сейчас получается так, что ужин, обед, полдник, завтрак — и везде надо убирать потом, [надо] посуду мыть, и пыли больше стало. Ну, то есть вот эти вот домашние дела меня начали раздражать на второй неделе, получается. На первой я еще как-то держалась. (Пара 3, Ж, 25 лет, безработная, 3 недели на изоляции)

В изоляции изменение своего поведения напрямую зависит от действий другого. Отсутствие привычных ритуалов и личного пространства переопределяет восприятие супругами друг друга, и восстановить свое «Я» становится гораздо сложнее.

Просто если раньше я мог уйти в кафе, раньше я так и делал, пару-тройку часиков я мог там поработать, а сейчас я никуда не могу деться, и это меня утомляет. (Пара 1, М, 33 года, работает удаленно, месяц на изоляции)

Разрушение и деградация «Я» происходят не в прямом смысле, как у Э. Гоффмана, через увечья, а через привычные повседневные ритуалы, которые становятся рутинными в момент изоляции и не позволяют получать от них удовольствие, как раньше. Они начинают раздражать и негативно сказываться на состоянии обоих супругов.

2. Адаптация «Я» к новым условиям: конструирование и восстановление «Я».

Когда сложившиеся условия изолированного режима оказывают влияние на субъективность индивида, он начинает защищать свое «Я» любыми способами. Э. Гоффман называет такое состояние восстановлением и конструированием «Я». Иногда «постоялец» закрытого учреждения осознает вмешательства извне и способен конструировать свой образ так, чтобы он меньше подвергался институциональным изменениям. Для этого человеку достаточно осознавать, что он вправе менять позицию своего «Я», чтобы сохранить свою субъективность¹⁶.

¹⁶ «Постоялец обычно приходит к выводу, что деградациям и реконструкциям Я не стоит придавать слишком большого значения, одновременно замечая, что персонал и постояльцы относятся к инфляции и дефляции Я с определенным безразличием. Он понимает, что наиболее удобный для защиты образ Я — это представление о Я как о чем-то, что существует за пределами индивида, что можно конструировать, утрачивать и восстанавливать, причем очень быстро и гладко. Он осознает, что вполне может занять позицию — а значит, и выстроить соответствующее Я, — отличающуюся от той, которую больница может ему предоставить и которой она может его лишиться. В этом несерьезном, но при этом удивительно обостренном моральном контексте выстраивание или разрушение Я превращается в бесстыдную игру, а способность рассматривать этот процесс как игру приводит к определенной деморализации, поскольку игра носит фундаментальный характер. Поэтому в больнице постоялец может усвоить, что Я — это не крепость, а скорее маленький открытый город; ему может надоесть необходимость выказывать удовлетворение, когда этот город занят своими войсками, и недовольство, когда его занимают войска противника. Как только он узнает, что происходит, когда общество определяет тебя в качестве индивида без устойчивого Я, это угрожающее определение — угрожающее, поскольку оно помогает приковывать людей к тем Я, которые общество им предписывает, — теряет силу» [Гоффман, 2019: 197].

Состояние жены из следующей цитаты идеально иллюстрирует ситуацию конструирования «Я», когда в текущих условиях «Я» максимально уязвимо и требует поддержки. Поэтому создаются любые условия, которые до изоляции имели восстанавливающую функцию. Здесь мы можем говорить о «терапевтическом self», который проявляется в период изоляции.

У меня сейчас период, когда я в себя ушла немножко (смеется). Такие периоды: книги, период очищения, спокойное состояние, напоминает медитацию перед бурей либо просто затишье. Мне комфортно в этом состоянии. Я не тревожу никого... Это новая стадия пересмотра всего, себя, мне стало лучше, [я стала] еще эффективнее, потому что до этого я в какой-то прострации находилась. Сейчас хочется хотя бы внутри себя оптимизировать что-то, сделать что-то. (Пара 5, Ж, 30 лет, работает удаленно, 2 недели на изоляции)

Не все семейные пары воспринимают вынужденные пространственные ограничения как трудности. Некоторые, наоборот, расценивают их как возможность взять паузу и отдохнуть, что также говорит о восстановлении «Я».

Я по сути своей интроверт, наверное, все же, и у меня был плотный график работы, тренировки и еще чего-то, картингом увлекаюсь. Постоянно много движухи, постоянно надо куда-то бежать, что-то делать, куда-то ехать и тому подобное, и я устал. Вот. А сейчас это хороший способ отвлечься от всего и отдохнуть. Я не трачу время на дорогу на работу [и] с работы, на всякие посещения магазинов, я даже рад, у меня никаких затруднений не вызывает [это]. (Пара 4, М, 30 лет, работает удаленно, месяц на изоляции)

Поскольку работа еще такая в целом напряженная, что у меня, что у него, и когда замаячила перспектива карантина — это было воспринято: Боже, мы отдохнем! Сидеть дома месяц! (Пара 4, Ж, 30 лет, работает удаленно, месяц на изоляции)

Адаптация к удаленной работе свидетельствует о некоторых изменениях, которые переживает «Я» от «разрушения» и до «восстановления». Например, в следующей семье удаленная работа по-разному отразилась на каждом партнере. Для жены изоляция дома с мужем и адаптация к удаленной работе дала возможность конструирования «Я». Поэтому она находила разные способы его актуализации.

Раньше, например, когда работали еще по нормальному, в офисе, я помню, что я не так сильно любила музыку в наушниках слушать. Потому что большой был информационный фон, а сейчас, наоборот, чтобы отвлечься вот от того, что у меня дома происходит, от того, что мы в маленькой замкнутой системе, я, наоборот, чаще надеваю наушники и ухожу в этот шум. Я не слышу то, что где-то [там] вокруг, а что где-то «там» у меня в голове. (Пара 6, Ж, 26 лет, работает удаленно, 3 недели на изоляции)

Можно предположить, что супруги, находящиеся в семейной изоляции, могут сохранить свое «Я» лишь с помощью адаптации к новым условиям и возможности

конструирования своего «Я». Для одних такая пересборка себя сродни с «терапией» и «медитацией», для других — «возможность замедлиться» и «набраться сил».

Выводы

В период изоляции во время пандемии COVID-19 мы зафиксировали в семьях *нарушение личных границ и контроль действий другого*, которые способны трансформировать «Я» индивида. Нарушение личных границ проявляется в виде внешнего контроля со стороны государства, это запрет покидать свой дом/квартиру, прекращение допуска к объектам городской инфраструктуры, недопуск к отдельному пространству для рабочей деятельности. Контроль действий другого может быть как прямым, например, в вопросах личной гигиены, которые начинают контролироваться супругами, так и косвенным, когда супруг(а) может наблюдать за общим состоянием другого (переработки на работе, усталость, перепады настроения) и пытаться повлиять на него.

Пространственные ограничения также оказывают влияние на состояние «Я» в семье и то, как супруги адаптируются к новым условиям. Происходит реорганизация личного пространства в рабочее, супруги договариваются о том, кто каким пространством пользуется, какая территория является общедоступной, а какая нет. В случае, когда в семье есть ребенок, отсутствие личного пространства ощущается наиболее остро, поскольку учитываются потребности не двоих, а троих.

Трансформации «Я» в период самоизоляции происходят за счет разрушения и деградации «Я». Привычные повседневные ритуалы перестают приносить удовольствие и, наоборот, начинают раздражать. Это негативно сказывается на состоянии обоих супругов. Однако пространственные ограничения не всеми семейными парами воспринимаются как трудности. Например, они позволяют взять паузу от повседневной суеты. Таким образом, чтобы адаптироваться к новым условиям, «Я» переживает путь от разрушения до восстановления.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что трансформация «Я» не всегда имеет выраженный эффект на взаимоотношения супругов. Иногда этой связи не возникает, и каждый в паре выбирает те стратегии поведения, которые помогают обоим справиться с изоляцией. Во время изоляции ритм повседневной жизни семьи задавали удаленная работа, пространственные ограничения и отсутствие контактов с внешним миром. Данные обстоятельства сначала меняли представление индивида о себе, а затем актуализировались в сценарии по совместной адаптации супругов к новым условиям.

Список литературы (References)

1. Бонкало Т. И., Маринова Т. Ю., Феоктистова С. В., Шмелева С. В. Диадические копинг-стратегии супругов как фактор латентных дисфункциональных отношений в семье: опыт эмпирического исследования в условиях пандемии // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 3. С. 35—50. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110303>.
Bonkalo T. I., Marinova T. Y., Feoktistova S. V., Shmeleva S. V. (2020) Dyadic Coping Strategies of Spouses as a Factor in Latent Dysfunctional Relationships in the

- Family: An Empirical Study in a Pandemic. *Social Psychology and Society*. Vol. 11. No. 3. P. 35—50. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110303>. (In Russ.)
2. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011.
Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
 3. Голева М. А., Мелкумян Е. Б., Павлюткин И. В., Пруцкова Е. В. Семья, работа и религия в период самоизоляции: по данным онлайн-опроса 2020 г. М.: Изд-во ПСТГУ, 2022.
Goleva M. A., Melkumyan E. B., Pavlyutkin I. V., Prutskova E. V. (2022) *Family, Work and Religion in the Period of Self-isolation: According to the 2020 Online Survey*. Moscow: Saint Tikhon's Orthodox University.
 4. Голева М. А. Переход к родительству в перспективе супружеских отношений: на примере интервью с молодыми родителями // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 82—102. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2363>.
Goleva M. A. (2023) *The Transition to Parenthood in the Perspective of Spousal Relations: The Case of Interviews with Young Parents*. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 82—102. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2363>. (In Russ.)
 5. Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. М.: Элементарные формы, 2019.
Erving Goffman (1961) *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates* Moscow: Elementary Forms. (In Russ.)
 6. Забаев И. В. Логика анализа данных в обоснованной теории (grounded theory): Версия Б. Глезера // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2011. № 32. С. 124—142. <https://doi.org/10.19181/4m.2021.52.5>.
Zabaev I. V. (2011) *Grounded Theory Logics of Data Analysis: B. Glaeser's Version*. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. Vol. 32. P. 124—142. <https://doi.org/10.19181/4m.2021.52.5>. (In Russ.)
 7. Забаев И. В., Емельянов Н. Н., Павленко Е. С., Павлюткин И. В. Семья и деторождение в России: категории родительского сознания. М.: Православный СвятоТихоновский гуманитарный университет, 2012.
Zabaev I. V., Emeliyanov N. N., Pavlenko E. S., Pavlyutkin I. V. (2012) *Family and Childbearing in Russia: Categories of Parental Mind*. Moscow: Saint Tikhon's Orthodox University. (In Russ.)
 8. Иллуз И. Почему любовь ранит? Социологическое объяснение. М.; Берлин: Директ-Медиа Пабблишинг, 2020.
Illouz E. (2020) *Why Love Hurts? Sociological Explanation*. Moscow; Berlin: Direct Media Publishing House. (In Russ.)
 9. Иллуз И., Кабанас Э. 2023. Фабрика счастливых граждан. Как индустрия счастья контролирует нашу жизнь. М.: АСТ.

- Cabanas E., Illouz E. 2018. Happycratie. Comment l'industrie du bonheur a pris le contrôle de nos vies? Moscow: AST. (In Russ.)
10. Кондрашов П. Н. Основные идеи экономико-социологической концепции эмоций Евы Иллуз. еплика на рецензию Нины Любинарской // Экономическая социология. 2023. Т. 24. № 1. С. 151—161. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-1-151-161>.
Kondrashov P. (2023) The Main Ideas of the Economic and Sociological Concept of Emotions by Eva Illouz. Reply to Nina Lyubinarskaya's Review. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 4. No. 1. P. 151—161. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-1-151-161>. (In Russ.)
11. Лернер Ю. Теле-терапия без психологии, или как адаптируют Self на постсоветском телеэкране // *Laboratorium*. 2011. № 1. С. 72—95.
Lerner J. (2011) TV therapy without Psychology: Adapting the Self in Post-Soviet Media. *Laboratorium*. No. 1. P. 72—95.
12. Симонова О. А. «Эмоциональный поворот» в социологии: развитие теории и отдельных исследовательских областей. 2016 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2016. Т. 3. № 3. С. 105—130.
Simonova O. A. (2016) Emotional Turn in Sociology: Development Theories and Selected Research Regions (Analytical Review). *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign literature*. Vol. 3. No. 3. P. 105—130. (In Russ.)
13. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
Strausse A., Korbin J. (2001) Basics of Qualitative Research Grounded Theory Procedures and Technique. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
14. Хокшилд А. Р. Управляемое сердце: коммерциализация чувств. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.
Hochschild A. R. (2012) The Management Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkeley, CA: University of California Press.
15. Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Семья и родительство // СоциоДиггер. 2020. Сентябрь. Т. 1. Вып. 2. С. 31—33. URL: <https://sociodigger.ru/releases/release/semja-i-roditelstvo> (дата обращения: 18.02.2025).
Chernova Zh. V., Shpakovskaya L. L. (2020) Family and Parenthood. *SosioDigger*. No. 1. P. 31—33. URL: <https://sociodigger.ru/releases/release/semja-i-roditelstvo> (accessed: 18.02.2025).
16. Beck U., Beck-Gernsheim E. (1995) The Normal Chaos of Love. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.
17. Beck U., Beck-Gernsheim E. (2002) Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. London: SAGE.
18. Cherlin A. J. (2004) The Deinstitutionalization of American Marriage. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 66. No. 4. P. 848—861.

19. Coontz S. (2005) *Marriage, a History: From Obedience to Intimacy or How Love Conquered Marriage*. New York, NY: Viking.
20. Daniel A. Cox and Samuel J. Abrams. (2020) *The Parents Are Not All Right: The Experiences of Parenting During a Pandemic*. American Enterprise Institute. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep25361> (accessed: 18.02.2025).
21. Illouz E. (2008) *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help*. Berkeley, CA: University of California Press.
22. Illouz E. (2012). *Why Love Hurts: Sociological Explanation*. Cambridge: Polity Press.
23. Risi E., Pronzato R., Fraia G. (2020) Everything Is Inside the Home: The Boundaries of Home Confinement During the Italian Lockdown. *European Societies*. Vol. 23. No. 1. P. 464—477. <https://doi.org/10.1080/14616696.2020.1828977>.
24. Sathyanarayana R., Andrade C. (2020) Sexual Behavior in the Days of COVID-19. *Journal of Psychosexual Health*. Vol. 2. No. 2. P. 111—112. <http://dx.doi.org/10.1177/2631831820934987>.

Приложение 1. Список информантов

№ пары	Пол (М/Ж)	Возраст	Занятость	Тип занятости	Срок самоизоляции
Пара 1	М	33 года	Работает удаленно	Преподаватель	1 месяц
	Ж	28 лет	Временно безработная	Психолог	1 месяц
Пара 2	М	25 лет	Работает удаленно	Финансист	3 недели
	Ж	25 лет	Работает удаленно	Менеджер	3 недели
Пара 3	М	26 лет	Работает удаленно	Программист	3 недели
	Ж	25 лет	Временно безработная	Экскурсовод	3 недели
Пара 4	М	30 лет	Работает удаленно	Программист	1 месяц
	Ж	30 лет	Работает удаленно	Аналитик	1 месяц
Пара 5	М	30 лет	Работает удаленно	Маркетолог	3 недели
	Ж	30 лет	Работает удаленно	Журналист	3 недели
Пара 6	М	26 лет	Работает удаленно	Аналитик	3 недели
	Ж	26 лет	Работает удаленно	Менеджер	3 недели
Пара 7	М	26 лет	Работает удаленно	Исследователь	3 недели
	Ж	26 лет	Временно безработная	Исследователь	3 недели

Приложение 2. Пример кодирования интервью

Цитата	Код	Подкатегория	Категория
<p>«Ну мне надоело готовить, например. То есть если обычно я там с радостью что-то готовлю, вожусь, так интересно, а сейчас из-за того, что мы оба дома сидим, то есть как-то я. Ну у нас небольшие кастрюли и сковородки, то есть я всегда готовлю там на 2—3 раза покушать, но обычно 2—3 раза — это по вечерам, хватает на 2 дня. А сейчас получается так, что ужин, обед, полдник, завтрак и везде надо убирать потом, посуду мыть, и пыли больше стало. Ну то есть вот эти вот домашние дела меня начали раздражать на второй неделе получается. На первой я еще как-то держалась» (пара 3, Ж, 25 лет, временно безработная, 3 недели на изоляции)</p>	<p>Люблю готовить, но из-за того, что дома оба, стало больше готовки. Усталость, домашние дела начали раздражать.</p>	<p>Разрушение Я</p>	<p>Трансформация Я</p>